

В работе встречается ряд противоречивых формулировок. Так, на стр. 49 автор пишет: «До начала строительства хозяйственных и жилых построек усадьбы «Щапан» обносили изгородью. Изгороди делались в большинстве случаев из камня». А на стр. 59 читаем: «Если прежде двор огораживался со всех сторон плетеной изгородью, то теперь этого не встречается». У читателя возникает вопрос: из какого материала все-таки возводилась изгородь?

Не совсем ясно, о каком типе дома идет речь, когда автор говорит о делении на мужскую и женскую половину (стр. 49). Если это длинный дом, состоящий ряда смежных комнат, то каким образом это можно увязать с тем, что каждая из комнат представляется отдельной брачной паре? Вероятно, это относится к новой комнате — «унэшхуэ»?

Жаль, что работа носит в основном описательный характер, и в ней делается лишь слабые попытки раскрытия закономерностей развития социалистической культуры и быта в переходный период от социализма к коммунизму.

Однако книга И. Х. Калмыкова в целом заслуживает положительной оценки. Он является единственной этнографической работой по современной Черкесии. Читатель найдет в ней много полезных и свежих сведений по этнографии черкесского народа. Фактические материалы, содержащиеся в работе (например, по жилищу, ремеслам) могут быть использованы для практических целей.

Г. Сергеев

С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Д. Сулайманов. *Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан*. Колхоз имени К. Е. Ворошилова («Ала-Тоо»), Покровского района, Иссык-Кульской области Киргизской ССР. Ответственный редактор С. М. Абрамзон. Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия, т. XXXVII, М., 1958.

Монография «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан» является результатом большого исследовательского труда группы научных работников Института этнографии АН СССР и Института истории Академии наук Киргизской ССР.

На конкретном материале, полученном при изучении быта колхозников селений Дархан и Чичкан (Покровского р-на Иссык-Кульской области, Киргизской ССР) авторы пытаются показать великую преобразующую силу колхозного строя, открывшего перед киргизским крестьянством широкий путь экономического и культурного развития.

Утверждение колхозного строя, сопровождавшееся в Киргизии переходом к оседлости кочевых и полукочевых хозяйств, повлекло за собой глубокие и принципиальные изменения во всем жизненном укладе населения, его материальной культуре, обычаях, нравах, мировоззрении.

Показать процесс преобразования быта киргизского крестьянства во всей его сложности — задача, которую поставил перед собой авторский коллектив.

Следует признать удачным самый выбор объекта. Колхоз им. К. Е. Ворошилова, объединяющий крестьян селений Дархан и Чичкан, по характеру его общественного хозяйства типичен не только для Прииссыккуля, но и для значительной части других горных районов Киргизии.

Это — крупное многоотраслевое хозяйство с основным зерноводческо-животноводческим направлением, имеющее большие перспективы развития.

Выбранный объект интересен и тем, что еще в дореволюционное время население этой части Прииссыккуля было тесно связано с русскими переселенцами и испытало на себе значительное влияние русской культуры. Самый процесс оседания кочевого населения в этом районе в силу ряда причин шел здесь более интенсивно, нежели в других районах Киргизии. Селение Дархан — один из старейших в Прииссыккулье оседлых киргизских населенных пунктов.

Вместе с тем здесь, в высокогорном районе, относительно хорошо сохранились особенности национальной культуры киргизов, что дает возможность исследователям ставить и разрешать один из важнейших в этнографии вопросов — о взаимодействии разных национальных культур и, что очень важно, проследить судьбы национальных традиций в современности.

Исследования велись на протяжении нескольких лет (1952—1954). Наряду с личными наблюдениями и расспросами, исследователи пользовались документальными материалами (статистические данные, протоколы общих собраний, годовые отчеты колхозов), проводили анкетные обследования (в частности подворное обследование жилищ), изучали бюджеты отдельных семей и т. д.

Положительной стороной монографии является то, что авторы изучали исследованный ими объект не изолированно, не оторванно от всего окружающего, а в тесной связи с общими историческими условиями всего Прииссыккуля; в ряде случаев ими

сделаны и довольно широкие обобщения. Отметим, что в те же годы (1953—1955) часть авторского коллектива проводила сплошное обследование киргизского населения всех областей республики, что позволило увеличить круг наблюдений и проверить некоторые из своих выводов на более широком материале.

Монография охватывает все стороны культуры и быта обследуемого населения.

Собственно этнографическому исследованию предпослан исторический очерк, в котором очерчены основные линии общественно-экономического развития Прииссыккуля, вплоть до настоящего времени.

Ценно, что автор исторического очерка (С. М. Амбрамзон) касается в нем именно того круга вопросов, который необходим для понимания не только исторического прошлого киргизов, но и для уяснения процесса социалистического развития и особенностей его проявления в конкретной национальной среде.

Касаясь вопроса истории заселения Прииссыккуля, автор дает характеристику его общего этнического состава, причем особенно подробно останавливается на истории заселения края киргизами и их родоплеменном составе. Интересна приведенная им карта расселения родоплеменных групп киргизов в начале XX в., ибо пережитки родоплеменных отношений, как увидим ниже, не вполне потеряли значение и по сию пору.

Подробно исследуется также характер социально-экономических отношений в киргизском ауле в конце XIX — начале XX в. Отчетливо показана социальная дифференциация киргизского аила накануне Великой Октябрьской социалистической революции и, как следствие обнищания народных масс, начавшийся процесс оседания бедноты на землю. Как отмечает автор, основной контингент поселившихся в Дархане (с его основания в 1913 г.) киргизов состоял из самых бедных земледельцев (стр. 28).

Вместе с тем автор отмечает крайнюю заторможенность процесса оседания в тот период, что в значительной мере было обусловлено противодействием байско-манапской верхушки, боявшейся потери дешевой рабочей силы, необходимой для ведения скотоводческого хозяйства, и уменьшения своего влияния на население¹.

Переходя к характеристике советского периода, автор также уделяет большое внимание вопросу о переходе киргизов на оседлость, проследившая влияние на этот процесс земельной реформы 1921—1922 гг., развития различных видов сельскохозяйственной кооперации и, наконец, коллективизации сельского хозяйства, завершившей процесс массового перехода на оседлость кочевого и полукочевого населения.

Автор подробно останавливается на истории организации и дальнейшего развития колхоза, вплоть до его укрупнения в 1951 г. Исторический очерк подводит таким образом читателя непосредственно к современности.

Характеристике общественного хозяйства колхоза имени К. Е. Ворошилова посвящен следующий раздел монографии (автор Г. П. Васильева).

Не претендуя на всестороннее освещение экономики колхоза, что и не под силу неспециалисту, автор приводит лишь его основные экономические показатели (см. таблицы на стр. 60, 77 и 111). В совокупности с большим описательным материалом это дает развернутую картину общественного хозяйства колхоза, отчетливо раскрывая тенденции и перспективы его развития.

Особый упор (и мне представляется это правильным) автор делает на характеристике различных сторон производственного быта как той части колхозников, которая занята в земледелии, так и особенно быта животноводов со всеми его специфическими особенностями.

Живо и обстоятельно характеризует автор полный цикл работ в различных отраслях хозяйства, условия труда, принципы его организации.

При характеристике тех или иных производственных процессов автор выделяет и некоторые старые традиции, не преувеличивая, однако, их значения. Так, совершенно правильно современное полеводческое хозяйство колхоза рассматривается им как по существу новая в сравнении со старым, рутинным земледельцем отрасль хозяйства, в которой влияние старых традиций очень невелико. И наоборот, автором хорошо показано на ряде примеров, как в исконном для киргизов занятии животноводством, базирующемся теперь на современных методах зоотехники, широко используются производственные навыки и народный опыт, накопленные за тысячелетия существования кочевого скотоводческого хозяйства.

Интересно в этнографическом плане дано описание охоты, помимо ее промыслового

¹ Земледелие носило примитивный характер; в нем преобладала крайне отсталая, рутинная техника. Некоторые прогрессивные черты, проявившиеся в местном земледелии в результате общения с соседями — русскими (железные плуги и бороны, колесный транспорт, заготовка сена для скота и т. п.), наблюдались главным образом в зажиточных хозяйствах. Основная же масса трудящихся не имела необходимого сельскохозяйственного инвентаря, тягловой силы и семян и жестоко эксплуатировалась местной кулацкой верхушкой на основе издольщины и различных форм отработки. Не менее бедственным было положение кочевников-скотоводов, ибо пастбищами руководила байско-манапская верхушка, пользовавшаяся лучшими отдаленными пастбищами. На долю же бедняцких масс оставались ограниченные ближайшие пастбища, что суживало возможности развития животноводства.

значения являющейся одним из любимых спортивных развлечений колхозников (с бенно охота с ловчими птицами).

Значительно слабее написан раздел, характеризующий рост материального благосостояния колхозников и их личное хозяйство. Основой его должно было бы стать обстоятельное изучение бюджета семей колхозников с учетом различных его вариаций (в зависимости от соотношения в семьях работающих и иждивенцев, рабочей квалификации членов семьи, отрасли хозяйства, в которой они заняты, и т. д.). Автор же ограничился анализом бюджета двух семей, что не дает, конечно, достаточно материала для серьезных обобщений и выводов ни в отношении структуры бюджета ни в отношении уровня экономического благосостояния колхозников².

Приведенный в данном разделе материал, касающийся семейно-родственной политики (стр. 133), интересен скорее в другой связи, а именно как отголосок старых общественных отношений.

Глава, посвященная материальной культуре, — одна из лучших в монографии (автор Е. И. Махова). В ней очень четко прослеживается историческое развитие отдельных элементов материальной культуры, их исторические корни. Автору удалось хорошо показать, что в условиях нашей действительности происходит не простая замена одной формы материальной культуры другой, а слагаются совершенно иные ее формы. При этом новые национальные особенности базируются на органическом слиянии элементов традиционной народной культуры с новыми элементами, пришедшими в результате взаимосвязи с другими народами, а также проникшими в быт из социалистического города (см. стр. 206). Это хорошо, в частности, показано на анализе современного костюма киргизов, особенно молодежи, представляющего собой своеобразное сочетание форм новых и исторически сложившихся, но претерпевших значительные изменения (материал, покррой). В результате создается определенный национальный стиль, характерный, по утверждению автора, не только для населения Дархана и Чичкана, и для всего Принсыкуля.

Наблюдения того же характера сделаны автором и в отношении жилища, его внутреннего убранства, декоративного оформления (например, в особенностях украшения парадной комнаты, перенесенных из жилища старого типа — юрты, так называемого «джука» и т. п.).

Раздел о жилище вообще разработан весьма основательно. В результате сплошного подворного обследования автору удалось показать последовательную смену типов жилища, изменение строительной техники, рост кадров строителей из среды самих киргизов. При этом отчетливо выступают культурное взаимообращение и братская дружба киргизов с соседними народами, особенно с русскими, от которых киргизы позаимствовали и планировку селения и жилища, и приемы строительной техники, и конструкции отдельных элементов дома (форма крыши, ворот, размер окон и их ориентация, наличие ствен, деревянные полы)³.

Автор показывает также связь типов усадьбы с развитием земледельческого хозяйства.

При всех несомненных достоинствах существенным недостатком главы является то, что жилище изучалось в значительной мере вне связи с общественным и семейным бытом. Говоря, например, о типе и планировке селений, автор обходит вопрос о расселении родственными группами, о чем мы узнаем из других глав монографии⁴; развитие жилища не поставлено в связь с изменением в укладе семьи, почти не затронуто то новое, что наблюдается в размещении семьи (в частности, ее женского состава). Данные такого рода, теснейшим образом связанные со всем комплексом семейных отношений, помогли бы также лучше выяснить те глубокие изменения, которые произошли и происходят в самом духовном облике населения.

Хорошо разработан раздел о пище. На этом материале особенно ярко показаны смена хозяйственного уклада киргизов, сложение прочного оседлого быта, внедрение новых сельскохозяйственных культур и изменения вследствие этого в пищевом рационе, в ассортименте блюд, наряду с сохранением ярко выраженных национальных традиций.

Специальный раздел монографии посвящен характеристике семьи и семейных отношений.

Тема семьи является одной из важнейших при монографических исследованиях быта; всестороннее изучение семьи дает возможность глубже и полнее показать процесс становления новых форм быта и вместе с тем выявить те источники, которые питают

² Мне представляется также, что едва ли целесообразно при рассмотрении структуры бюджета, в частности денежных доходов семьи, включать в бюджет подарки и помощь родственникам, ибо, согласно народному обычаю, каждый подарок вызывает необходимость отдаривания почти в тех же размерах (см. приведенные таблицы доходов и расходов семьи Усуна Джээнбаева, стр. 130).

³ Как это отмечено автором, вместе с новой строительной практикой киргизами были восприняты и некоторые обычаи, например использование общественной помощи при закладке фундамента и связанное с этим угощение, аналогии чему мы находим у русских и оседлых народов Средней Азии.

⁴ См. стр. 27, 65, 214—216.

еще пережитки старого мировоззрения, сказывающиеся на многих сторонах семейной и общественной жизни. Вот почему от степени разработанности этой темы во многом зависит глубина исследования в целом.

Автор (С. М. Абрамзон) затрагивает весь круг вопросов, связанных с изучением семьи и семейных отношений. Им хорошо показана структура современной семьи, ее численность, формы; выяснен генезис некоторых пережиточных форм: наличие известного количества неразделенных семей и семей, имеющих в своем составе боковых родственников (см. таблицу на стр. 213), а также твердо держащийся и поныне порядок, при котором один из сыновей (обычно младший) остается жить с родителями.

Много тонких наблюдений сделано автором над новым характером семейных взаимоотношений; ярко обрисовано в корне изменившееся — по сравнению с дореволюционным временем — положение женщины и детей в семье и т. д.

Однако, как нам кажется, все эти черты нового семейного уклада могли бы быть прослежены значительно полнее и глубже, если бы автор дал более детальную и углубленную характеристику семейного строя в прошлом. В частности, мы не находим ответа на то, когда начался в киргизском аиле процесс массового распада больших семей, что представляла собой по численному составу, хозяйственному и бытовому укладу неразделенная семья конца XIX — начала XX в., каковы были, наконец, те общественные традиции, которые определяли ее внутренний строй.

В историческом очерке, как указывалось выше, тот же автор отмечает значительную живучесть среди присысккульских киргизов родоплеменных отношений еще в конце XIX — начале XX в.; отголоски этих отношений, как это видно из отдельных разбросанных в книге замечаний, сказываются во многих деталях современного быта (характер расселения семейно-родственными группами, родственная помощь, свадебные и погребальные обряды и др.).

Приводя отдельные интересные факты этого рода, автор, однако, не анализирует их, не обобщает, в силу чего специфика родственных отношений киргизских колхозников раскрыта слабо. Даже в специально посвященном этой теме разделе («Отношения между родственниками», стр. 238—240) охват материала неравномерно сужен до круга взаимоотношений между родителями и детьми, братьями и сестрами. Между тем родственные связи значительно шире, и их жизненность во многом определяет как положительные традиции, так и некоторые отрицательные стороны современного быта киргизских колхозников.

С этой точки зрения не вполне удовлетворяет и раздел, посвященный общественной и культурной жизни киргизов. В нем приводится обильнейший материал, дающий разительную картину тех изменений, которые произошли за годы Советской власти в жизни киргизского аила; интересно показано своеобразие форм современного общественного быта киргизов, многие из которых базируются на старых традициях. Однако социальные корни этих явлений не всегда достаточно вскрыты. В частности, не ясна социальная природа столь распространенных в прошлом и бытующих и по сие время групповых сборищ типа «жоро-бозо» и «шерне», различных половозрастных объединений и т. п. (см. стр. 251, 259, 260).

В ряде случаев автор лишь констатирует явления и факты общественной жизни (см. стр. 257), в то время как более детальный их анализ помог бы раскрыть ту конкретную исторически обусловленную обстановку, в условиях которой протекает социалистическое строительство. Это, несомненно, имело бы и большое практическое значение.

Особый акцент сделан автором (что совершенно правильно) на новых формах общественной жизни, но процесс складывания этих форм, становление и рост кадров активистов (в частности женщин) не выявлены в достаточной мере. За теми скудными биографическими данными, которые в ряде случаев приводит автор (см. стр. 210, 211), не встают живые портреты людей новой, советской формации.

Следует отметить, однако, что сделать это пока не удалось ни в одной из вышедших в последние годы монографий. Видимо, на разработку этой проблемы должны быть направлены дальнейшие коллективные усилия этнографов.

В главе «Общественная и культурная жизнь» автор (К. И. Антипина) делает попытку не только обрисовать деятельность культурных, культурно-просветительных и медико-санитарных учреждений, но и показать ее влияние на развитие нового быта. Правда, в ряде случаев и здесь следовало бы значительно шире осветить процесс формирования новых духовных запросов населения, новых общественных нравов.

Несомненным достоинством книги является внимание к положительным традициям национальной культуры. В монографию введена специальная глава «Народное творчество», посвященная народному прикладному искусству и устно-поэтическому творчеству.

Следует лишь отметить, что эта глава была бы более содержательной, если бы автор (Д. С. Сулайманов) полнее раскрыл условия и обстановку бытования фольклора в колхозной среде, а также дал бы характеристику репертуара различных возрастных групп населения. Это дало бы возможность глубже проследить судьбы традиционного фольклора, выявить характер новотворчества, в частности влияние на народную песенную культуру профессионально-музыкального искусства.

В качестве общего положения следует отметить, что пора бы перейти, наконец, в

наших этнографических монографиях к практике публикации самого фольклорного материала — текстов и мелодий⁵.

Книга недостаточно тщательно отредактирована, в ней попадаются отдельные стилистические небрежности, неудачные выражения⁶. Навязчивый излишний пафос, он снижает общий серьезный тон исследования. Встречаются и некоторые композиционные неувязки (например, характеристика общественного быта дается в двух разных местах книги, точно так же и материалы по народному поэтическому творчеству).

Подбор иллюстраций к книге удачен; он обогащает исследование обильным фактическим материалом. Особенно хорошо иллюстрирован (рисунками, фото, чертежами) раздел материальной культуры. Цветные иллюстрации хорошо передают национальный стиль киргизского прикладного искусства, его колорит.

Исследование завершено послесловием. Помещение его вызвано вполне понятным желанием авторов привести последние данные по экономическому развитию колхозов тем более что в 1956 г. в результате реализации решений XX съезда КПСС колхозы добились серьезных хозяйственных успехов. И тем не менее необходимость такого послесловия возбуждает сомнения. Жизнь идет настолько быстрыми темпами вперед, что отдельные данные (в частности экономические показатели) неизбежно устаревают. В этом, однако, дело. Непреходящий теоретический и практический интерес этнографических исследований заключается в том, чтобы изучить глубоко и детально те огромные и сложнейшие процессы, которые происходят во всех областях народной жизни, выявить их направление, сделать понятными причины, ускоряющие или, наоборот, замедляющие процесс развития. Задача эта не легка, и рецензируемая книга не может нас полностью удовлетворить в этом отношении.

Однако авторским коллективом книги сделано немало. Несмотря на отдельные недочеты и недоработки, книга вводит в научный оборот свежий и богатый этнографический материал, ставит ряд важнейших проблем, касающихся судеб национальных традиций в современности, процессов формирования новых форм быта, пути развития советской семьи, новых общественных отношений.

Монография о киргизском колхозе встретит, несомненно, живой интерес не только среди специалистов, но и в среде широкого круга советских читателей.

В. Ю. Крупицкий

О. А. Сухарева. *К истории городов Бухарского ханства* (Историко-этнографические очерки). Институт истории и археологии. Академия наук Узбекской ССР. Ташкент, 1958, стр. 146, 27 фотографий, 4 плана-вклейки.

Рецензируемая книга написана большим знатоком истории Средней Азии, культуры и быта ее народов. О. А. Сухарева — автор ряда работ, посвященных узбекам и таджикам, их материальной культуре, социальным отношениям, идеологии. В течение многих лет О. А. Сухарева занята этнографическим изучением городов Средней Азии, в первую очередь Бухары — столицы бывшего Бухарского эмирата, в большей степени, чем другие города, сохранявшего до недавнего времени свой прежний облик и богатого многочисленными памятниками прошедшей эпохи.

Изучение истории и этнографии такого крупного города, как Бухара, требует затраты огромного количества труда и времени, большой энергии и настойчивости. Достаточно сказать, что автором книги произведено детальное этнографическое обследование двухсот отдельных кварталов города, причем определено и изучено их местонахождение, история заселения, социальный, этнический и профессиональный состав населения и многие другие особенности. Выполнение этой работы одним лицом само по себе говорит о неиссякаемой энергии О. А. Сухаревой, ее настойчивости и преданности любимому делу.

Книга «К истории городов Бухарского ханства», насколько известно автору этих строк, охватывает лишь часть материалов, накопленных О. А. Сухаревой. Она состоит из двух разделов — исторического и этнографического. Первый раздел — «Очерки по исторической топографии г. Бухары» имеет три очерка, каждый из которых посвящен определенной эпохе жизни города. Второй раздел — «Очерки населения городов Бухарского ханства конца XIX — начала XX в.» также состоит из трех очерков, но, в отличие от первого раздела, разбитых по территориальному принципу. Здесь по-

⁵ Прекрасный образец такой публикации дает монография «Горняцкое село Жакаровце», изданная Словацкой Академией наук (см. рецензию в журн. «Сов. этнография», 1958, № 1).

⁶ См., например, характеристику песни «Бекбекей» (стр. 90—93). На самом деле песня эта пелась девушками и женщинами, караулившими скот; они перекликались ею, проверяя друг друга и призывая к бодрствованию (см. М. Богданова, Киргизская литература, М., 1947, стр. 17).